

Е.А. Абиль

Применение методов естественных наук в историческом исследовании: обзор современного состояния

Вторая половина XX в. стала переломным моментом в развитии науки. Формирование новой постклассической физики привело к перевороту в методологических основах естественных наук, глобальному изменению в видении мира. Широкое признание антропного принципа, в соответствии с которым все строение Вселенной и законы ее развития таковы, чтобы в ней появился наблюдатель, вновь поставили человека в центр мироздания и сняли антагонизм «наука – религия». Сам язык естественных наук стал менее формализованным, более метафоричным, произошла «гуманитаризация» точной науки.

Вместе с тем в гуманитарных науках, в том числе и истории, наблюдается процесс расширения применения как языка, так и инструментария, выработанного в рамках естественно-научных дисциплин. Мы являемся свидетелями рождения целого ряда междисциплинарных исследовательских парадигм, укрепления холизма как в естественно-научном, так и гуманитарном знании.

Однако опасность редукционизма и физикализации гуманитарной сферы и общий кризис естественных наук привели и к другим последствиям. В конце XX в. в рамках постмодернизма появились антипозитивистские концепции, вообще отрицающие возможность научного познания не только прошлого, но и современности. Происходит переориентация философии истории с научного метода познания реальности на художественный, поэтически-метафорический метод ее осмысления. Звучат мысли об отказе от рациональной рефлексии. Так, П. Фейерабенд противопоставляет традиционному пониманию научного метода как способа получения объективной истины «анархистскую», или «дадаистскую» концепцию, которая будто бы устаревшему представлению о «поиске истины» противопоставляет новейший взгляд на науку как на творимый свободной личностью «новый миф» [1, с. 24–25].

В адрес исторической науки продолжают звучать критические нотки. Так, К. Поппер вообще сомневается в возможности применить к историческому познанию понятия «научная теория», предпочитая говорить о методе интерпретации фактов. «Можно интерпретировать историю как историю классовую борьбу, как историю борьбы за превосходство, как историю религиозных идей или борьбу между открытым и “закрытым” обществом или же – как историю научного и промышленного прогресса. Все это более

или менее интересные точки зрения, и как таковые они совершенно неоспоримы» [2, с. 52–53].

Развитие междисциплинарных исследований закономерно ведет к усилению взаимовлияния естественных и гуманитарных наук, поэтому изменения методологических установок естественно-научного познания оказывают на процесс становления постнеклассической гуманитарной науки гораздо большее влияние, чем на процессы становления классической и неклассической гуманитарной науки [3, с. 110–112].

В связи с обозначенными выше проблемами гносеологического характера особую актуальность приобретает вопрос применения ряда общенаучных, а также естественно-научных методов в историческом исследовании, в частности системного метода и синергетики, получивших в последние десятилетия особую популярность не только в естественно-научном, но и гуманитарном знании.

Выход из кризисной ситуации, сложившейся в сфере исторического знания, – научный синтез, применение новых приемов и методов исследования, широкое использование инструментария, апробированного в других дисциплинах. Как подметил А. Нысанбаев, «прогресс исторической, как и всякой другой, науки состоит наряду с прочим в выработке новых понятий, таких, которые позволяют более полно, более глубоко (и, следовательно, более объективно) познавать действительность» [4]. Это тем более важно, что сам системный метод не является неизменным, он постоянно развивается и принимает новые формы – от общей теории систем до синергетики. Если само понятие «система» уже давно и прочно вошло в историческую науку, то современные исследовательские парадигмы, связанные с ним, в исторических исследованиях практически не применяются.

В условиях идеологического и теоретического монизма советского периода единственным методом исторической науки выступала теория общественно-экономических формаций. Другие методологические подходы объявлялись вульгарными или идеалистическими. Поэтому речь могла идти только о совершенствовании уже разработанного универсального научного аппарата – аппарата формационного подхода.

Классическую характеристику системного метода и его применения в историческом исследовании дали советские исследователи, в частности И.Д. Ковальченко в своем фундаментальном труде «Методы исторического исследования» [5, с. 159–191],

А.И. Ракилов в работе «Историческое познание» [6]. Кроме того, различные аспекты методологии исторического исследования в целом и применения системного метода в частности разработаны в трудах М.А. Барга, Б.Г. Могильницкого, В.А. Дьякова, Е.М. Жукова [7–10].

В известной концепции «пассионарности» Л. Гумилева также реализовывались принципы системного подхода и самоорганизации – одной из основных составляющих синергетической парадигмы. Определяя этнос как динамическую систему, Л. Гумилев считал, что для ее жизнедеятельности необходимо «постоянно удалять накапливающуюся энтропию, обмениваясь с окружающей средой энергией и энтропией. Этот обмен регулируется управляющими системами, использующими запасы информации, которые передаются по наследству» [11, с. 103]. Вместе с тем экономический детерминизм господствовавшей в советской исторической науке историко-материалистической концепции не позволили в полной мере использовать возможности системного метода.

Последняя четверть XX в. характеризуется противоречивыми тенденциями в поисках методологии исторического исследования. Доминирующим было, пожалуй, стремление к обособлению истории от других наук, проявившееся, в частности, в подчеркивании специфики исторического знания, усилении «анти-сциентистского» направления, постмодернистского подхода. В этой связи отмечают поворот от объективистской к субъективистской концепции науки, от позитивизма к герменевтике, от количественных методов к качественным.

Одно из направлений обновления методологически-методического инструментария историков связано, с одной стороны, с более активным включением общенаучных категорий в понятийно-категориальный аппарат исторической науки [5, с. 198–199], а, с другой стороны, с совершенствованием математических методов анализа данных исторических источников и математических моделей исторических процессов. Опыт квантификации, накопленный исторической наукой в 60–80-х гг. XX в., отчетливо выявил тенденцию к постепенному внедрению все более сложных методов математической статистики.

В начале 1990-х гг. вопросы применения общенаучных методов в историческом исследовании приобретают новое звучание в связи с распространением новых исследовательских парадигм, в основе которых лежит системный метод – общей теории систем и синергетики. Исследовательская программа, заявленная коллективом авторов (С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий) как попытка создания «теоретической истории» на основе методов системного анализа и математического моделирования социальной динамики, возглавлена известным физиком С. Капицей [12; 13; 14, с. 98–111; 15; 16, с. 52–66]. Основное

направление данной школы – моделирование процессов народонаселения и прогнозирование развития общества исходя из разработанных закономерностей демографии.

Следует отметить, что работы, выполняемые в рамках данной программы, посвящены тем аспектам истории человечества, которые так или иначе связаны с естественно-научными процессами – демография, экономика, этногенез.

Проблемы соотношения естественно-научного и гуманитарного стали объектом исследования в работе С. Переслегина [17]. В частности, он считает, что в связи с продолжающимся дроблением научного знания междисциплинарные исследования приобрели особую актуальность. Они – едва ли не единственная возможность создавать научную информацию, обладающую интегрирующими свойствами и способную оказывать измеримое воздействие на социосистемы.

Со стратегической точки зрения, полагает С. Переслегин, наиболее перспективными представляются исследования, объединяющие дисциплины, максимально разнородные по предмету и методологии, по доминирующим механизмам познания. Прежде всего речь должна идти о синтезе естественно-научного и гуманитарного подходов. Вместе с тем автор отмечает и основную трудность на этом пути – отсутствие внятного механизма междисциплинарного взаимодействия. На практике вместо такого механизма используются некие «общие соображения» (причем в каждом конкретном случае – свои). Альтернативный подход состоит в создании абстрактных деклараций, странных по форме и неочевидных по содержанию.

Выход С. Переслегин видит в «презумпции приоритета» естественно-научного знания в междисциплинарных исследованиях. Он считает, что данный приоритет вытекает из лучшей разработанности естественных наук как в фактологическом, так и в методологическом плане. Он формулирует ряд задач, выполнение которых необходимо для корректного синтеза естественно-научного и гуманитарного знания:

- создание юридической и экономической базы гуманитарного знания (необходимо иметь в виду, что по мере преодоления отставания гуманитарных наук стоимость исследований будет возрастать; серьезные гуманитарные технологии потребуют для своей социальной инсталляции средств, превосходящих затраты на создание атомной энергетики или авиационной промышленности);

- четкое описание гуманитарных систем и их специфики;

- определение условий применимости естественно-научных моделей к гуманитарным системам;

- конвертация накопленного естественно-научного знания в гуманитарное.

Важным условием сохранения познавательной ценности как гуманитарного, так и естественно-на-

учного знания в междисциплинарном исследовании, с точки зрения С. Переслегина, является соблюдение как естественно-научных границ – проверки соответствия полученных гуманитариями результатов и надежно установленных «естественниками» законов природы, так и гуманитарных границ – проверки соответствия естественно-научных результатов и надежно установленных гуманитариями опытных фактов.

Отмечая роль системного метода, автор утверждает, что системная (структуродинамическая) методология широко применяется в междисциплинарных исследованиях, образуя понятийный «мост» между естественно-научным и гуманитарным познанием. С. Переслегин считает, что традиционная наука работает с примитивными системами, а общая теория систем позволяет переформулировать ряд классических естественно-научных суждений в терминах аналитических систем. Задачей современной междисциплинарности он считает создание приемлемых методов работы с хаотическими структурами.

Та же проблема была поднята в статье В. Лекторского с характерным названием «Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке?» [18]. Анализируя шесть основных тезисов о принципиальных отличиях между гуманитарными и естественными науками, он последовательно опровергает эти тезисы и приходит к выводу об их сущностном единстве. Хотя различия между науками о природе и науками о человеке и существуют, особенно в возможности проведения экспериментов, они все же не дают основания для формулирования тезиса о том, что эти две группы наук принципиально различны.

В. Лекторский отмечает, что сегодня можно говорить о новом типе интеграции естественных наук и наук о человеке. Речь не идет о возникновении некоей единой науки, о которой мечтали логические позитивисты. Всегда будут существовать серьезные различия не только между естественными науками и науками о человеке, но также и внутри первых (например между физикой и геологией), и внутри вторых (например между психологией и историей). Процесс дифференциации научного знания будет продолжаться, станут возникать новые научные дисциплины. Говоря об интеграции, В. Лекторский имеет в виду только одно: принципиальное единство исследовательских методов.

Общим проблемам внедрения синергетической парадигмы в гуманитарное знание посвящены исследования А. Назаретяна, утверждающего, что «распространение синергетической парадигмы стало одним из мощных факторов, обеспечивающих стирание границ между естествознанием и обществоведением и построение универсальной эволюционной картины мира» [19], и С. Гомаюнова, отмечающего, что современное научное сообщество широко демонстрирует все большую приверженность к нелинейному

(синергетическому) стилю мышления: «возникнув в области физики, химии, приобретающее соответствующее математическое обеспечение, синергетика достаточно быстро вышла за рамки этих наук, и вскоре биологи, а за ними обществоведы оказались под ее мощным воздействием» [20, с. 99].

Пристальное внимание к проблемам философско-методологической рефлексии исторического процесса в форме системного метода и синергетики посвящены работы российских философов, в частности Т. Дебердеевой [21] и И. Крайнюченко [22]. Вопросы математического моделирования развития аграрных обществ стали объектом диссертационного исследования математика А. Малкова, который считает, что разработанные им математические модели позволяют «описывать взаимодействие аграрных обществ и ряд других исторических процессов, развивающихся в пространстве и времени» [23, с. 21].

М.В. Сапронов предлагает подвергнуть пересмотру гносеологические основания обществознания, т.е. перейти на новый мировоззренческий уровень, отказавшись от некоторых радикальных постулатов классической парадигмы. Выход из сложившейся кризисной ситуации автор видит в том, что историки должны овладеть основными концепциями синергетики, теории самоорганизации. При этом М.В. Сапронов подчеркивает, что синергетика рассматривается им не как очередная генерализующая концепция, призванная всесторонне объяснить исторический процесс (именно так к ней относится большинство, отмечает автор), а как новая познавательная парадигма, т.е. «новый взгляд на окружающий мир, новый идеал научности, новый способ постановки и решения задач, наконец, новый принцип использования познавательных возможностей человека» [24, с. 155–156].

Проблемы становления и развития теории социальной самоорганизации (социосинергетики) рассмотрены в работе Д.Э. Жамсрандоржийн [25]. Автор считает, что ситуация в социосинергетике далеко не однозначна, однако сам этот методологический подход имеет право на существование в гуманитарном знании.

Как мы видим, вопросы применения в анализе социальных систем методик, выработанных в недрах естественных наук, принадлежит ученым – естествознавцам, физикам, математикам, биологам и в меньшей мере философам. Собственно историки пока нечасто обращают внимание на проблемы применения общенаучных методов. Следует отметить белорусского историка С.А. Кизима, который в 2000 г. защитил диссертацию на тему: «Системный подход в историческом исследовании: сущность, методика, реализация: (на примере изучения реформ и этнических процессов)» [26].

Вопросы применения синергетических подходов в историческом исследовании затронуты также в дис-

сертационной работе А.В. Бочарова, который предупреждает от опасности при обращении к синергетике как к «позитивистской редукции при перенесении на развитие общества и культуры установленных синергетикой закономерностей нелинейности и поливариантности путей развития процессов в физическом мире» [27, с. 15].

Проблеме применения междисциплинарных знаний в историческом исследовании посвящена статья А. Уйбо, который считает, что «уровень междисциплинарности науки возрастает по мере продвижения от фундаментальных к более сложным структурам, что связано с многоуровневой детерминацией последних. Соответственно, можно выделить и междисциплинарные области научного познания, к которым, очевидно, относится и социально-гуманитарное знание» [28, с. 82]. Проводя градацию дисциплин социально-гуманитарного цикла по степени их междисциплинарности, А. Уйбо на первое место ставит философию, а на второе – историю. При этом он считает междисциплинарность имманентным свойством любой научной исторической реконструкции, которая базируется, «с одной стороны, на специфике объекта исторического познания, его многоуровневой детерминации; с другой – на специфике познания объекта вследствие его временной отдаленности» [28, с. 83]. Автор выделяет две основные формы междисциплинарного в историческом познании: это междисциплинарность композиционная, связанная с теорией в целом и направленная на реконструкцию изучаемого фрагмента исторической реальности как целого, и операционная междисциплинарность, основанная на правилах оперирования и направленная на получение информации из исторических источников. Обе эти формы, по мнению А. Уйбо, взаимосвязаны и предполагают друг друга, но все же решают разные задачи в процессе исторической реконструкции [28, с. 83].

Развернутый анализ современного состояния русскоязычной исторической мысли, в том числе и социосинергетики, дан в диссертационном исследовании О.Г. Дуки, посвященном анализу теорий и концепций исторического развития с позиций предложенного им вероятностно-смыслового подхода [3]. Автор на основе синтеза идей семиотики, герменевтики, вероятностной логики, когнитивной психологии, теории распознавания образов, гомеостатики, технологии историографических исследований предлагает вероятностно-смысловой методологический подход, позволяющий рассматривать процесс исторического познания как вероятностно детерминированный процесс смыслообразования.

С данной позиции О. Дука оценивает историческую синергетику как становящуюся методологическую традицию. Решающее значение в ее становлении, по мнению автора, имеет наличие проработанной технологии исследования, адаптированной к специфике

истории [3, с. 60]. Он считает, что опираясь на те же методологические традиции, что и неклассические, историческая синергетика широко использует идеи и положения естественных наук: биологии, физики, математики, информатики, что существенно повышает ее познавательную ценность.

Л. Бородкин, говоря о применении синергетики в историческом исследовании, выделяет два его перспективных направления. Во-первых, это новые подходы к изучению альтернатив общественного развития, возникающих в точках бифуркации. Во-вторых, это источниковедческо-методический аспект применения синергетики в исторических исследованиях [29]. Дело в том, что если источники дают возможность реконструировать достаточно длинные временные ряды, характеризующие существенные свойства изучаемого процесса, то с помощью специальных компьютеризированных методик можно проверить гипотезу о наличии хаотических режимов. Подтверждение этой гипотезы дает ключ к пониманию резких изменений (как количественных, так и качественных) в динамике процесса, которые могут происходить и без сколько-нибудь заметных внешних причин в силу его нелинейного характера.

Говоря о работах, рассматривающих возможность применения общенаучных методов к историческому исследованию, следует упомянуть и скептиков. В этом ряду заслуживает внимания исследование Е. Топольского, который подчеркивает, что в теории, «касающейся систем, нет места для более или менее сознательных действий людей» [30, с. 93], и на этом основании постулирует бесполезность применения системной теории в историческом исследовании: «теория хаоса (синергетика. – Е.А.) не дает для исторического анализа ничего более собрания новых терминов и метафор. Ни в коей мере она не представляет объяснений, которые были бы глубже фактографического описания. Мы не изменим истории лишь посредством изменения языка повествования» [30, с. 99].

Еще один оппонент синергетической исследовательской парадигмы, К.Х. Момджян, утверждает, что ученые, рассматривающие законы развития социальных систем как одну из форм физической самоорганизации, не принимают во внимание «целесолагание социальной деятельности, феномен свободной человеческой воли и прочие «нефизические» факторы» [31, с. 279].

Ряд авторов вообще не признают за синергетикой и связанной с ней общей теорией систем права называться научной парадигмой. В частности, В.А. Кутырев в своей работе объявляет синергетику ложным знанием, угрожающим бытию, которое якобы нуждается в срочном «спасении» [32, с. 15–33], а также М.И. Штеренберга, который в одной из своих публикаций делает такой вывод: «Жаркие дискуссии, возникшие вокруг синергетики, на мой взгляд, сви-

детельствуют о том, что ей со временем придется признать, что наукой она не является» [33, с. 137]. «Псевдонаукой» считает синергетическую теорию, основанную на системном подходе, В.И. Сыров. В одной из своих публикаций он заявляет: «Социосинергетика страдает унаследованными ею от позитивизма недостатками – а именно – склонностью к натурализму, физикализму, редукционизму, сциентизму и технократизму. Открытые физикой закономерности бездумно и “механически” переносятся на общество, на явления социального и духовного порядка. Вместо понятий в этой псевдонауке используются одни лишь метафоры» [34, с. 259].

В Казахстане последние десятилетия ознаменовались бурным ростом интереса к истории как в обществе, так и в среде профессиональных ученых. Это объективный процесс, вызванный поиском национальной идентичности в условиях формирования суверенного государства, подъемом этнического самосознания. Сложилось более чем благоприятные условия для развития исторической науки: исчез диктат марксистской доктрины, нет партийно-государственной цензуры, стали доступными огромные пласты письменных источников, более простой стала публикация результатов исследований. Однако парадоксальным является тот факт, что в этих условиях историческая наука Казахстана оказалась в кризисном состоянии.

Конечно же, налицо рост количества публикаций, увеличение числа профессиональных историков, имеющих ученые степени и звания, ряд работ отечественных ученых получил признание не только в стране, но и за рубежом. Вместе с тем наблюдается резкое снижение интереса к проблемам теоретико-методологического характера. Так, по данным Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, за 1991–2002 гг. в Казахстане не было защищено ни одной кандидатской или докторской диссертации по проблемам методологии истории [35].

Следует отметить, что в Казахстане существует определенная исследовательская традиция, основанная на широком применении междисциплинарного подхода и методик, выработанных естественными науками. Это работы О. Исмагулова по проблемам исторической антропологии и этнической истории [36–37], исследования Т.П. Волковой по аграрной истории дореволюционного Казахстана [38], К.А. Сакеновой по проблемам социологии Казахстана советского периода [39], Ж.Б. Абылхожина по проблемам изменений в казахском обществе в связи с социально-политическими процессами первой четверти XX в. [40]. Однако следует отметить, что данные исследования затрагивают вполне определенный аспект междисциплинарного знания – применение количественных методов в историческом исследовании, так называемая клиометрия, или квантативная

история, и практически не касаются ключевых проблем применения системного метода.

Общие проблемы пересмотра методологических основ исторических исследований в Казахстане были поставлены М.К. Козыбаевым. Он отмечал, что казахстанским историкам «необходимо дать более широкую перспективу источниковедческим исследованиям, освоить передовые технологии в клиометрических изысканиях, дать импульс более интенсивным разработкам в методологических инновациях» [41, с. 17].

Тем не менее теоретико-методологические проблемы слабо представлены, особенно в обобщающих трудах по истории Казахстана. Фундаментальное исследование коллектива авторов, подготовленное Академией наук РК, обходит данный вопрос молчанием, ограничиваясь общими словами о состоянии исторической науки в республике [42, с. 7–9]. Отдельные теоретические аспекты конкретных проблем отражены в разделе, посвященном вопросам этногенеза, остальные проблемы ранней и средневековой истории Казахстана освещаются в ключе формационной теории развития без обоснования его применимости при анализе кочевого общества [43, с. 257–280].

Ни один учебник или учебное пособие не освещают вопросов теории исторического процесса по той простой причине, что данная проблематика не входит в учебные программы. Лишь в работе А. Абдакимова поставлен вопрос: «Что такое история?», но сам автор так и не дал на него ответа, ограничившись общими положениями о субъективности исторического познания [44, с. 14–16].

Нельзя сказать, что разработка проблем методологического характера совсем не ведется. В том же Институте истории и этнологии им. Ч. Валиханова разрабатывается тема «Историография и источниковедение Казахстана в контексте инновационных методов и исследовательских технологий», значительное число работ, посвященных инновационным методикам исторического исследования, опубликовано К. Алимгазиновым [45], проблемы применения математических методов являются объектом изучения С. Жакишевой [46].

Оригинальные и концептуально свежие идеи высказываются казахстанскими этнологами в сфере изучения традиционных систем жизнеобеспечения. В работе Н. Алимбаева, М. Муканова и Х. Аргынбаева объект исследования – кочевая община – рассматривается как сложная, динамически развивающаяся система, «представляющая собой органический синтез двух фундаментальных начал – социального и природного» [47, с. 38]. Проанализировав различные аспекты функционирования кочевого социума, в том числе и контексте «обратной связи», авторы постулируют «необходимость системно организованного научного подхода к любому типу или уровню общинных отношений, обусловленного отмеченной

структурно-функциональной (т.е. системной. – Е.А.) природой последних» [47, с. 39].

Необходимость применения системного подхода в историческом исследовании отмечает и Ж. Артыкбаев. В частности, он считает, что при анализе этносоциальной организации кочевников «исследователь должен обратиться к ... системному подходу, позволяющему адекватно воссоздать прошлое. Системный подход, исходящий из апробированных структурно-функционалистических методов, выработанных на почве этнологических школ, позволяет строить мыслительные конструкции, позволяющие в той или иной степени моделировать традиционное общество» [48, с. 8].

Интересный опыт применения системного подхода для изучения эволюции политической системы Казахстана был предложен А. Нысанбаевым, М. Машаном, Ж. Мурзалиным и А. Тулегуловым [49]. В данном труде анализируется эволюция политических систем Казахстана, однако его методологической основой стали концепции традиционной западной политологической школы, эволюционно-детерминистской по своей сути, не учитывающей проблемы неравновесности и сложности социальных процессов. Однако справедливости ради заметим, что точка зрения авторов об актуальности системного подхода, усиленная мотивами унификации научного знания, создания концептуальных схем, способных облегчить взаимопонимание между представителями различных наук, избежать дублирования теоретической науки, повысить эффективность научных исследований, не вызывает сомнений [49, с. 16–17].

Следует признать, что методологический кризис в исторической науке Казахстана, как и, впрочем, во всем сообществе ученых-историков, на сегодняшний день до конца не преодолен. Негласный отход от концепций исторического материализма практически не сопровождался разработкой альтернативной методологии исследования, большинство историко-социологических концепций Запада построено без учета специфики кочевого общества и в силу этого не применимо для анализа истории раннего и средневекового Казахстана. Обобщающие работы по истории обычно создаются на основе хронологического принципа, содержание их построено по схеме «период–событие–факт». В результате у читателя закрепляется случайностно-событийный взгляд на исторические процессы, а в связи с альтернативностью точек зрения на значимые события возникает сомнение в объективности процесса исторического познания. К сожалению, существующие на сегодняшний день позитивные сдвиги в развитии исторической науки Казахстана не нашли отражения в учебных программах школ и большинства вузов, что ведет к слабому их влиянию на формирование исторического сознания населения Казахстана.

Сегодня уже можно говорить о возникновении новой, неклассической науки, основанной на новой форме диалектики. Если для классической науки характерно разделение живого и неживого, то новые подходы позволяют выработать принципы, общие для этих форм материи. Классическая диалектика трактует развитие как восходящий, поступательный процесс, неклассическая считает, что развитие представляет собой цикл самоорганизации и дезорганизации. Классическая наука считала неравновесные системы аномалией, отклонением от систем равновесных, стабильных. Новые же достижения науки говорят о том, что неравновесность системы – обязательное условие развития.

Прежняя диалектика, базирующаяся на категориальном аппарате гегелевской философии, не в состоянии объяснить процесс образования и развития материальных систем. Закон отрицания, сформулированный Гегелем для развития мысли, идеи, не может адекватно отразить все тонкости и нюансы развития материального мира [50]. Новая наука ориентирована на целостное, системное исследование объектов и процессов, изучение внутренних механизмов самоорганизации, лежащей в основе всех процессов развития [51, с. 12]. Дж. Хорган считает, что такие завоевания современной научной мысли, как теория сложности и синергетика, открывают заманчивые перспективы решения именно фундаментальных вопросов познания природы, общества, человека, культуры [52].

Вместе с тем даже переход к «новым завоеваниям методологии» не снимает еще одной важной герменевтической проблемы – противоречия между семантическими формами и сущностью, т.е. текстом и мыслью, которую пытается выразить автор текста.

Этой проблеме посвящена интересная статья Дж. Гольдштейна с характерным названием «Вавилонская башня нелинейной динамики: о терминах». Ученый отмечает, что при разработке новых концепций «проблема может возникнуть, когда разные люди подразумевают под одним и тем же новым термином разные вещи. Вследствие этого могут возникать разные недоразумения и недостаток понимания, а общий язык будет скорее запутывать, чем помогать общению» [53].

Далее он выделяет три основных источника взаимного непонимания исследователей. Во-первых, это разные научные школы. Как верно подметил Дж. Гольдштейн, «каждая школа имеет свою игру слов. Тем самым каждая школа имеет отличную от других исследовательскую программу, свои вопросы, на которые нужно ответить, свои пути ответов на эти вопросы и свое понимание терминов. Поэтому, чтобы понять, что же каждая из школ имеет в виду под определенным термином, необходимо понять целый мир, в котором существует их игра слов» [53].

Во-вторых, источником взаимного непонимания является популярная интерпретация научных терминов. Действительно, большая часть научных терминов в языке существовала еще до появления новых научных дисциплин и продолжает использоваться в прежнем, «обыденном» значении. Например, слово «хаос» имеет большое число значений и связывается с беспорядком, турбулентностью, библейскими первоисточниками. Вместе с тем существуют значения этих терминов в общей культуре, появившиеся в результате популяризации новых наук, но имеющие другую смысловую нагрузку.

В-третьих, источником взаимного непонимания является фигуральное, или метафорическое использование терминов. Если первые две проблемы можно снять упорядочиванием использования научных терминов и предварительным ознакомлением потенциального читателя научной работы с определениями, принятыми в нем, то проблему метафоричности научного языка снять не так-то просто, тем более, что сами термины и понятия во многом сами являются систематизированными метафорами. С методологической точки зрения выбор понятийного или метафорического языка является конкретным проявлением той крайней формы противостояния двух гносеологических парадигм, которая характеризует современное состояние теоретической мысли: пойти вслед за французским постмодернизмом по пути сближения философии с поэзией или восстановить традиционную ориента-

цию философского дискурса на структуру научно-теоретического мышления.

Исходя из изучения современного состояния развития синергетики и социосинергетики, а также опыта ее применения в исторических исследованиях можно сделать вывод о том, что сам системный метод как средство познания за последние 20 лет претерпел существенную трансформацию. Его классическое содержание, предполагающее рассмотрение объектов как совокупность элементов, взаимодействие которых обуславливает возникновение у этой совокупности новых интегративных качеств, не присущих образующим ее элементам, не теряющее общей актуальности для изучения системных феноменов в целом, при рассмотрении сложных систем следует дополнить.

При изучении исторических феноменов как систем следует применять не только системный анализ, но системный синтез, а также учитывать, что традиционное представление о жестко детерминированных причинно-следственных связях нуждается в пересмотре. Исходя из диспассивного, нелинейного характера сложных систем следует признать, что таковая связь не всегда имеет место, в процессе развития системы могут быть определенные бифуркационные периоды, где дальнейшее направление развития однозначно определить невозможно. Как мы видим, системный метод в историческом исследовании на сегодняшний день невозможен без учета синергетической познавательной парадигмы.

Библиографический список

1. Фейерабенд, П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. – Благовещенск, 1986.
2. Поппер, К. Ницета историцизма / К. Поппер // Вопросы философии. – 1992. – №10.
3. Дука, О.Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примерах российской историографии) : дис. ... д-ра ист. наук / О.Г. Дука. – Екатеринбург, 2001.
4. Нысанбаев, А. Проблема объективности в историческом познании / А. Нысанбаев [Электронный ресурс] // www.iie.freenet.kz/otan_tar_1_2000_1-2.html
5. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М., 1987.
6. Ракитов, А.И. Историческое познание / А.И. Ракитов. – М., 1982.
7. Барг, М.А. Категории и методы исторической науки / М.А. Барг. – М., 1999.
8. Могильницкий, Б.Г. Введение в методологию истории / Б.Г. Могильницкий. – М., 1989.
9. Дьяков, В.А. Методология истории в прошлом и настоящем / В.А. Дьяков. – М., 2004.
10. Жуков, Е.М. Очерки методологии истории / Е.М. Жуков. – М., 2001.
11. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – Л., 1989.
12. Капица, С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица. – М., 1997.
13. Капица, С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – М., 1997.
14. Малинецкий, Г.Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? / Г.Г. Малинецкий // *Общественные науки и современность*. – 1996. – №4.
15. Малинецкий, Г.Г. Нелинейная динамика и историческая механика / Г.Г. Малинецкий // *Общественные науки и современность*. – 1997. – №2.
16. Малков, С.Ю. История человечества и стабильность (опыт математического моделирования) / С.Ю. Малков, В.И. Ковалев, А.С. Малков // *Стратегическая стабильность*. – 2000. – №3.
17. Переслегин, С. О соотношении гуманитарного и естественно-научного познания в междисциплинарных исследованиях / С. Переслегин [Электронный ресурс] // www.spkurdyumov.narod.ru/Pereslegin1.htm
18. Лекторский, В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? / В.А. Лекторский [Электронный ресурс] // www.spkurdyumov.narod.ru/Lectorskiy.htm
19. Назаретян, А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика социального прогресса) : курс лекций / А.П. Назаретян. – М., 1995.
20. Гомаюнов, С. От истории синергетики к синергетике истории / С. Гомаюнов // *Общественные науки и современность*. – 1994. – №2.

21. Дебердеева, Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т.Х. Дебердеева. – М., 2003.
22. Крайнюченко, И.В. Глобальный эволюционизм и синергетика ноосферы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / И.В. Крайнюченко. – Нальчик, 2004.
23. Малков, А.С. Математическое моделирование развития аграрных обществ : автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук / А.С. Малков. – М., 2005.
24. Сапронов, М.В. Концепции самоорганизации в общественности: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) / М.В. Сапронов // Общественные науки и современность. – 2001. – №1.
25. Жамсрандоржийн, Д.Э. Теория социальной самоорганизации: критика и библиография / Д.Э. Жамсрандоржийн [Электронный ресурс] //www. sociosynergetics.narod.ru/sociosynergy1.htm
26. Кизима, С.А. Системный подход в историческом исследовании: сущность, методика, реализация (на примере изучения реформ и этнических процессов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.А. Кизима. – М., 2000.
27. Бочаров, А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Бочаров. – Томск, 2002.
28. Уйбо, А. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача / А. Уйбо // Смысловые концепты историко-философского знания : ученые записки Тартуского университета, труды по философии. – Вып. XXXV. – 1990.
29. Бородкин, Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований / Л.И. Бородкин // Новая и новейшая история. – 2003. – №2.
30. Топольский, Е. Дискуссии о применении теории хаоса к истории / Е. Топольский // Исторические записки. – 1999. – №2(120).
31. Кузнецов, В.Г. Философия / В.Г. Кузнецов, И.Д. Кузнецова, В.В. Миронов, К.Х. Момджян. – М., 2004.
32. Кутырев, В.А. Оправдание бытия / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2000. – №5.
33. Штеренберг, М.И. Является ли синергетика наукой? / М.И. Штеренберг // Философские науки. – 2004. – №6.
34. Сыров, В.И. К вопросу о том, какой могла быть истинная синергетика / В.И. Сыров // Законы педагогической сферы общества : 31-й академический симпозиум. – Нижний Новгород, 2003.
35. Библиографический указатель докторских и кандидатских диссертаций по историческим наукам (1935–2002). – Алматы, 2003.
36. Исмагулов, О.И. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (Палеоантропологическое исследование) / О.И. Исмагулов. – Алма-Ата, 1970.
37. Исмагулов, О.И. Этническая антропология Казахстана (соматологическое исследование) / О.И. Исмагулов. – Алма-Ата, 1982.
38. Волкова, Т.П. Материалы по киргизскому (казахскому) землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (историко-этнографические исследования) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.П. Волкова. – М., 1982.
39. Сакенова, К.А. Социальное развитие молодых рабочих промышленности Казахстана и рост ее кадров в 70-е – начале 80-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К.А. Сакенова. – М., 1989.
40. Абылхожин, Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930-е гг.) / Ж.Б. Абылхожин. – Алма-Ата, 1991.
41. Козыбаев, М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски : в 2 кн. / М.К. Козыбаев. – Алматы, 2000. – Кн. 1.
42. История Казахстана : в 5 т. – Алматы, 1996. – Т. 1.
43. История Казахстана : в 5 т. – Алматы, 1997. – Т. 2.
44. Абдакимов, А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : учебное пособие / А. Абдакимов. – Астана, 1999.
45. Алимгазинов, К.Ш. Воспоминания участников гражданской войны в Казахстане как исторический источник (применение методов многомерного статистического анализа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К.Ш. Алимгазинов. – Алматы, 2001.
46. Жакишева, С.А. Бай-«полуфеодалы» в Казахстане на рубеже 20–30-х гг. XX в.: исторический анализ проблемы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.А. Жакишева. – Алматы, 1996.
47. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. – Алматы, 1998.
48. Артыкбаев, Ж.О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий) / Ж.О. Артыкбаев. – СПб., 2005.
49. Нысанбаев, А. Эволюция политической системы Казахстана / А. Нысанбаев, М. Машан, Ж. Мурзалин, А. Тулегулов. – Алматы, 2001.
50. Рузавин, Г.И. Диалектика и современное научное мышление / Г.И. Рузавин // Философские науки. – 1996. – №6.
51. Алтухов, С.Л. О становлении новой формы диалектики / С.Л. Алтухов // Философские науки. – 1992. – №2.
52. Хорган, Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Дж. Хорган. – СПб., 2001.
53. Гольдштейн, Дж. Вавилонская башня нелинейной динамики: о терминах / Дж. Гольдштейн [Электронный ресурс] //http://spkurdyumov.narod.ru/Goldstein.htm